

15 **Первая годовщина.**

Памяти В. О. Комиссаржевской.

Принято скорбеть об участи художников сцены—их творчество исчезает, едва родившись, а их наследство умирает вместе с ними, не запечатленное в вещах. Если это и такъ, то избѣгла этой участи Вѣра Федоровна Комиссаржевская, свѣтлую память которой мы поминаемъ сегодня, въ день первой годовщины ея смерти. Десятки тысячъ тѣхъ, кто годъ тому назадъ провожали тѣло Вѣры Федоровны, были охвачены острымъ чувствомъ личнаго горя, личной утраты и одиночества. Поминальные вечера были молитвами, скорбными и торжественными.

Прошелъ годъ, и непосредственная боль утраты смягчилась, заслоненная тысячами властныхъ впечатлѣній и неодолимыхъ силъ. Но сегодня сердца тѣхъ, кто тоскуетъ по красотѣ, снова забьются трепетно.

Они переживуть снова эту трагедію, разыгравшуюся въ далекомъ, чуждомъ Ташкентѣ, и умленной мыслью остановятся на великой артисткѣ и неповторимо-прекрасной единственной женской душѣ.

Когда перелстываешь страницы только что вышедшаго, такой нѣжностью проникнутаго сборника ея памяти, когда читаешь ея письма къ Чехову или К. Бравичу, когда вглядываешься въ безконечно-милыя черты ея портрета,—начинаешь понимать, въ чемъ тайна того исключительнаго обаянія, какимъ была окружена В. О.

Быть любимой во всѣмъ, быть признанной со всѣхъ сторонъ,—это счастье, обыкновенно покупаемое у толпы цѣной отказа отъ яркой индивидуальности, было положено къ ея ногамъ, какъ даръ «принцессѣ, кочующей и бѣдной».

Трудно сказать, чего въ этой любви и въ этомъ всеобщемъ признаніи было больше—восторга передъ своеобразнымъ, необыкновенно искреннимъ художникомъ, или уни-

ления передъ рѣдкой красотой женской души, передъ очарованіемъ вѣчнаго исканія.

И если умолкъ навсегда ея милый грудной голосъ съ западающими нотами, если потухли лучи ея прекрасныхъ притягивающихъ глазъ, если, покорные судьбѣ актера, растаяли ея сценические образы, то красота вѣчнаго исканія въ ея устремленной къ небу душѣ пребудетъ еще долго живой и волнующей.

«Какъ скоро я убѣдила бы людей въ томъ, какъ прекрасна можетъ быть жизнь, если всѣ будутъ стремиться по настоящему къ прекрасному!»—пишетъ В. О. въ одномъ изъ своихъ извѣстныхъ, какъ вся она, испещренныхъ скобками писемъ.

Въ этихъ словахъ, такъ трогательно родственныхъ другой ищущей и тоскующей душѣ, душѣ Чехова, сказала драгоцѣннѣйшая черта ихъ обоихъ,—надломленная, но живая вѣра въ грядущій расцвѣтъ жизни, смятенное, но неодолимое ожиданіе свѣтлыхъ дней.

«Нужны намъ великія могилы... Нужны, чтобы не затеряться во мглѣ, чтобы дольше звучали въ насъ струны юности, чтобы голубѣлъ въ сердцѣ хоть кусочекъ, хоть краешекъ далекаго неба...»

И если наши благоуханнѣйшіе цвѣты—национальнѣйшіе наши поэты, Чеховъ и Комиссаржевская гибнуть съ недопѣтой пѣсней на губахъ, оба на чужбинѣ, оба оторванные отъ насъ злобно-мстительной судьбой, то тѣмъ жарче, тѣмъ молитвеннѣе будутъ наши тоскливые гимны ихъ свѣтлымъ тѣнямъ, наши стыдливыя жалобы и трепетная любовь...

Л. Василевскій